

Мы, полочане, гордимся, что живем на исторической Полоцкой земле собор, Спасо-Евфросиньевский монастырь, музей белорусского книгопечатания, нательные места города, человек преисполняется сакральной возвышенно чем-то таинственным, загадочным, взметнувшимся ввысь и одновременно чувственного бытия, рационального познания, вселяющего уверенность в правильности избранного пути к истине.

А как богата Полоцкая земля утраченными и еще ненаписанными страницами своей истории! Судьбе было угодно разбросать эти крупницы знания по миру и «заставить» всех нас пройти путь их сбора и единения. Уже сегодня есть достаточные основания представить древний Полоцк совершенно иным по сравнению с тем, что мы можем прочесть в книгах историков XIX - XX столетий - топографические границы города «уходили» далеко вперед по течению Западной Двины.

С сожалением приходится констатировать факт недоступности такого важнейшего исторического источника, как Полоцкая летопись.

Редколлегия журнала высказывает слова благодарности доктору исторических наук, профессору Г.В. Штыхову за передачу права опубликовать статью профессора А.В. Майорова «Из истории белорусского летописания: Полоцкая летопись В.Н. Татищева» именно в «Вестнике Полоцкого государственного университета». Работа приоткрывает занавес утраченной летописной реликвии, вносит посильный вклад в приращение нового знания.

Большие надежды историки Полоцкого государственного университета связывают с возможностью проводить крупномасштабные археологические раскопки в Заполотье.

Открытый в 2004 г. культурный слой X - XIII столетий позволяет высказать гипотезу в пользу совершенно новой модели застройки древнего Полоцка. Коллективное изучение нового материала даст возможность написать не страницы, а тома сокрытой в земле истории древнего славянского города. Это будет достойный и благодарный ответ историков-специалистов вызову времени и заботе государства по сохранению историко-культурных ценностей.

УДК 940 (476)

ИЗ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ: ПОЛОЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ В.Н. ТАТИЩЕВА

д-р ист. наук, проф. А.В. МАЙОРОВ
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Анализируются сохранившиеся свидетельства о до сих пор не найденной Полоцкой летописи, указывающие на ее существование и историческую ценность летописи.

Сведения о В.Н. Татищеве как неутомимом собирателе древних памятников и первом в русской исторической науке исследователе-источниковеде представлены во многих литературных источниках [36, Сб. 7; 72; 77; 98; 102, с. 124 - 163; 105]. Пополняя текст написанной им «Истории Российской» новыми известиями по мере знакомства с вновь найденными источниками, Татищев ввел в оборот целый ряд оригинальных свидетельств, почерпнутых из ныне неизвестных источников. Достоверность этих «оригинальных татищевских известий», которых особенно много приходится на период XII - первой половины XIII вв., их происхождение и методика изучения в настоящее время также являются предметом специального анализа [27; 51; 52; 141]. Несмотря на обилие работ по данному вопросу, определенного отношения к историческому творчеству В.Н. Татищева не сложилось, высказано немало часто противоположных суждений.

Текстологическое изучение «Истории Российской» дает возможность составить широкое представление о богатстве и многообразии летописного материала, с которым имел дело ее автор. Особый интерес представляет возможность реконструкции ныне утраченных памятников. Объектом специального внимания уже стали Раскольничья, Голицынская, Симонова, Иоакимовская, «История о разорении Русском» Иосифа, а также некоторые новгородские, Муромская и Ростовская летописи [26, с. 14, 41 - 43, 44, 47, 52, 75, 265; 37; 73; 79; 81; 119, с. 267-277, 362, 383; 121; 130].

В этом списке, безусловно, должна значиться и Полоцкая летопись, полученная В. Н. Татищевым от П.М. Еропкина. Существование особого полоцкого летописания, подобного летописанию, ведущемуся в других землях Руси, хотя и не представленного сохранившимися произведениями, признается многими историками. К числу источников, известных только Татищеву, Полоцкую летопись относил В.С. Иконников [63, с. 519 - 520, 535 - 536; 64, с. 1415]. О наличии этой летописи среди русских источников «Истории

Российской» уверенно говорили А.И. Андреев и М.Н. Тихомиров [18, с. 24, прим. 95; 139, с. 46]. С.Л. Пештич видел в Полоцкой летописи Еропкина, как и в Смоленской летописи Хрущева, подлинные документы, относя их к числу «западнорусских летописей», состав известий которых восстанавливается благодаря ссылкам на эти источники в примечаниях ко второй части «Истории Российской» [103, с. 258].

В. Чемерицкий: «Данные В. Татищева не дают основания сомневаться в том, что так называемая летопись Еропкина - реальный исторический сборник, которым непосредственно пользовался историк. Хотя выписки из этого летописного свода касаются главным образом событий второй половины XII - начала XIII вв., однако он, наверное, вмещал также материалы по истории древней Руси как более раннего, так и более позднего времени» [147, с. 18].

Не сомневается в том, что Татищев действительно держал в своих руках рукопись, в которой содержались оригинальные сведения о Полоцке и его князьях, и Г.В. Штыхов, специально исследовавший вопрос об отражении Полоцкой летописи в татищевских известиях [151, с. 308]. С Полоцкой летописью, а возможно, и иными недошедшими до нас источниками, связывается наличие в «Истории Российской» значительного числа оригинальных известий, относящихся к истории белорусских земель XI - первой половины XIII вв., давно ставшие предметом специального изучения историками и литературоведами [58; 147].

Некоторые татищевские сведения, считавшиеся ранее недостоверными, в настоящее время получают новое подтверждение, что заставляет исследователей пересматривать сложившееся отношение к историческому творчеству последнего русского летописца. В частности, новейшими исследованиями подтверждено приведенное только в «Истории Российской» сообщение об основании в Полоцкой земле князем Борисом Всеславичем города Борисова в 1102 г. В Староборисове археологами обнаружено древнее городище, возникновение которого по времени совпадает с татищевским известием [152, с. 5; 153]. Это открытие получило широкое признание, и в 2002 г. официально отмечался 900-летний юбилей города. По мнению Г.В. Штыхова, сведения об основании Борисова могли быть почерпнуты Татищевым также из Полоцкой летописи [152, с. 6].

Существование Полоцкой летописи Еропкина подтверждается исследованиями по истории русской библиографии. Установлено, что после ареста и казни владельца библиотека Еропкина поступила в Академию Наук, а бывшие в ней старинные рукописи - в Коллегию иностранных дел [62, с. 1082, 1083; 61, с. 83]. Впоследствии некоторые его рукописи оказались в фондах Библиотеки Коллегии [23, с. 88 - 89]. Среди них, как полагает С.П. Луппов, находился и «Полоцкий летописец», которым пользовался Татищев [65, с. 183; 84, с. 222, 225].

В то же время существует немало скептических замечаний по поводу интересующего нас источника и источниковедческой работы Татищева вообще. В ряде исследований обосновывается вывод о том, что автор «Истории Российской» не только пояснял или амплифицировал текст летописей и других источников, но и «дополнял» их фактами, которых в источниках не было, но которые соответствовали его общественно-политическим взглядам [103, с. 248 - 250; 52, с. 79; 31]. В частности, подобный вывод недавно был сделан в работе, посвященной так называемому «конституционному проекту» Романа Мстиславича и некоторым другим выдержкам из Полоцкой летописи. Ее автор, А.П. Толочко, утверждает, что «конституционный проект 1203 г. представляет собой политический памфлет, вышедший из круга единомышленников А.П. Волынского, очевидно, в 1739 г.»; этот проект «должен был стать своего рода предтечей и исторической санкцией “Генерального проекта” самого Волынского» [141, с. 252].

Правда, в другом месте А.П. Толочко предлагает несколько иную версию происхождения проекта: он был рожден из собственных идей Татищева, «то тут, то там разбросанных по тексту “Истории”. Собственно, Роман предлагает исправить все то, что беспокоит Татищева в русской истории и что тот рассматривает как главные пороки государственного строя Руси» [141, с. 254]. Так же, по мнению исследователя, Татищев поступает и с другими известиями, извлеченными из Полоцкой летописи. Тем самым последняя представляется не более чем фикцией, используемой для прикрытия прямых фальсификаций.

Таким образом, вопрос о Полоцкой летописи Татищева, несмотря на обилие высказанных по этому поводу мнений, далек от своего разрешения. Суждения исследователей столь же противоречивы, как и поверхностны, поскольку строятся лишь на отдельных случаях использования материалов этого источника, не учитывая в должной мере всех отразившихся в «Истории Российской» сообщений и не проводя их целостного анализа. Без этого, разумеется, невозможно представить полной картины состояния источника, как и проверить надежность сообщаемых им сведений.

Прежде всего с Полоцкой летописью связывается так называемая «Повесть о Святохне», помещенная в «Истории Российской» под 1217 г. (ИР. П-2. С. 201 - 204). Здесь рассказывается о «великом зле и смятении», приключившемся в Полоцкой земле после того, как полоцкий князь Борис Давыдович женился вторым браком на дочери поморянского князя Казимира Святохне. Внешне приняв православие, она сохранила верность католичеству («вере папешской»), держала при себе «попа латинского» и была окружена своими земляками, также католиками.

Будучи коварной и своенравной, она начала плести интриги против старших сыновей полоцкого князя Василька и Вячка, любимых в народе, в пользу рожденного ей младшего сына Владимира, которого мать именовала Войцехом. Хитростью добившись удаления из Полоцка пасынков и расправившись с их приверженцами, Святохна начала своих земляков «во все чины и управления вводить, многое имение им раздавала, дабы могли чем людей к себе в любовь приврасчать». Это вызвало всеобщее недовольство в городе, и «люди полоцкие» стали просить князя Бориса вернуть старших сыновей. Князь согласился, однако Святохне удалось перехватить отправленные к ним письма. После этого она привела в действие еще более коварный и жестокий замысел.

Сочтя своими главными врагами тысяцкого Симеона, посадника Воина и ключника Добрыню, наиболее уважаемых в городе людей и ближайших советников князя, Святохна составила подложное письмо, отправленное якобы от их имени к князю Васильку с приглашением ему в обход отца стать полоцким князем. Князь Борис потребовал от обвиняемых лиц объяснений, выслушав которые, не знал, кому верить и какое решение принять. Тогда Святохна приказала своим слугам-поморянам, не дожидаясь княжеского повеления, убить оклеветанных ею мужей.

Наутро было собрано вече, на котором верные Святохне люди обманули народ, сказав, что тысяцкий с товарищами ночью сами пришли в княжеский дом, чтобы расправиться с князем и княгиней, но были убиты подоспевшей стражей. Обманутый народ осудил «злодеев»: дома их были разграблены, а жены и дети избиты. Тогда Святохна решила покончить со старшими княжичами и еще остававшимися их сторонниками, «немедленно в тысяцкие и посадники произвела поморян пришельцев, чего никогда не бывало, и те начали наипаче доброхотных пасынкам ея утешать».

По совету сына убитого тысяцкого Симеона Прохора княжич Василько отправил к полочанам письмо, где обличал козни Святохны и просил, «чтоб всенародно постояли за веру и землю Рускую». Это письмо нашло немалый отклик среди горожан. Вскоре собралось новое вече, где Святохна и ее сторонники были полностью изобличены. Справедливость восторжествовала: княгиня была заключена под стражу, поставленный ею тысяцкий и другие поморяне убиты или изгнаны, а их имущество разграблено. «Князю же никоего вреда не учинили и немедленно послали по Василька знатных людей».

Приведенное сообщение представляет собой самостоятельное литературное произведение с завершенным сюжетом, особую повесть, где выведены яркие образы героев, раскрываются их характеры, подробно описываются не только поступки, но также намерения и переживания людей, звучит прямая речь.

Если же оценивать «Повесть о Святохне» как исторический источник, то прежде всего необходимо отметить ее уникальность: передаваемые ей оригинальные сведения нигде более не встречаются. Объясняя их происхождение, Татищев отмечает: «Сие выписано из летописца Еропкина, которой, видно, что пополниван в Полоцке, ибо в нем много о полоцких, витебских и других литовских князях писано» (ИР. II-2, с. 261, прим. 597). Принадлежность к полоцкому летописанию «летописца» Еропкина историк, таким образом, определяет исключительно исходя из содержания его известий. Никаких других признаков Полоцкой летописи Татищевым не зафиксировано. Тем труднее подтвердить или опровергнуть сведения этого источника.

Данное обстоятельство создает почву для известного скепсиса. Подлинность сообщаемых Повестью фактов была подвергнута сомнению Н.П. Лыжиным, увидевшим в этом произведении нововел XVII в., подобный другому, более известному источнику Татищева - Иоакимовской летописи. В «Историю Российскую» «Повесть о Святохне» была включена единственно с целью использования в качестве своего рода памфлета, направленного против господства Бирона и других немецких выходцев при дворе императрицы Анны Ивановны. В этом «памфлете» Лыжин даже обнаруживает призыв к устройству некоего подобию Сицилийской вечерни (восстание сицилийцев в 1282 г., освободившее их от власти французских королей, начавшееся, по приданию, с сигнала колокола, звонившего к вечерне. - А. М.) с целью свержения немецкого владычества в России [85].

Недоверчивое отношение к оригинальным известиям Татищева восходит ко взглядам Н.М. Карамзина, скепсис которого достигал полного нигилизма [31]. Карамзин отвергал известия о Святохне на том основании, что он сам «не нашел о том ни слова в летописях» [67, с. 599, прим. 208]. Но такое основание едва ли можно признать достаточным. Уже высказывались справедливые замечания об излишней «самонадежности» историка, проявившейся в неоправданной уверенности, будто «помимо ему известных летописей других и быть не может». Ведь сам Карамзин обращался не только к опубликованным и приведенным в известность источникам, но был отлично знаком и широко использовал еще не изданные (Лаврентьевская, Троицкая летописи и др.), не говоря уже о том, что в его время непрерывно происходило открытие и публикация все новых и новых памятников [31, с. 456].

На фоне гиперкритицизма Н.М. Карамзина позиция Н.П. Лыжина может восприниматься даже как некая попытка защиты Татищева, по крайней мере, от обвинений в прямом подлоге, поскольку тот имел дело с реально существовавшим источником - Полоцкой летописью. Татищев, таким образом, не был фальсификатором; он либо добросовестно ошибался, не распознав подделки, либо же, чересчур увлекаясь идейным содержанием отрывка, не акцентировал внимание на его сомнительном происхождении.

Мнению Н.П. Лыжина фактически следовал в своих ранних работах М.Н. Тихомиров, когда говорил о незамеченной Татищевым тенденциозности переданного Еропкиным «отрывка о Святохне» и некоторых других отрывков [138, с. 45, 50, 53, 54; 139, с. 189]. Это мнение проникло и в зарубежную историографию. М. Горлин усматривал в истории Святохны «аллюзию» на современную Татищеву действительность, в частности на роль Миниха и Бирона при Анне Ивановне [3].

В дальнейшем отношение к «Повести о Святохне» изменилось. Этому в немалой степени способствовало как появление новых исследований памятника, так и новые данные об отношении к источникам и приемах источниковедческого анализа самого Татищева. Первое специальное исследование Повести, автор которого пришел к выводу о достоверности сведений о Святохне, взятых из древней Полоцкой летописи, увидело свет еще в конце XIX в. [122]. В полемике с Н.П. Лыжиным подлинность рассказа о Святохне доказывал Д.А. Корсаков, видевший в нем более позднюю вставку в первоначальную Полоцкую летопись [75, с. 283; 105, с. 460 - 461]. Примерно в том же русле высказывался В.С. Иконников, оценивавший Повесть как литературную переделку какого-то древнего предания о полоцких Всеславичах [63; с. 535 - 536].

Значительную эволюцию претерпели взгляды М.Н. Тихомирова. Основанием для этого стала, в первую очередь, обнаруженная им несостоятельность мнения Н.П. Лыжина о Повести как памфлете времен Анны Ивановны. «В действительности, - пишет Тихомиров, - параллель между положением Святохны, обрисованным в повести, и положением Анны Ивановны настолько отдалена, что данное произведение может быть сочтено памфлетом только при помощи гипертрофированной критики, желающей видеть то, чего нельзя увидеть. К тому же Святохна изображена в повести католичкой, тогда как Анна Ивановна оставалась всегда ревностной последовательницей православия, несмотря на свое немецкое окружение» [136, с. 190].

Версия памфлета показалась неубедительной и С.Н. Валку. Она, по его мнению, опирается на чрезмерно преувеличенное представление о политическом значении труда Татищева во времена Анны Ивановны, т.е. в период, когда этот труд не только еще не был напечатан, но даже и не был закончен: «Лыжин заблуждался или для усиления доказательности своих доводов писал, что История Татищева в царствование Анны Ивановны была “строго запрещена” за свое политическое вольнодумство» [31, с. 488]. Надуманным представляется С.Н. Валку и стремление Лыжина «видеть в этом “памфлете” не только эпизод внутрисурской политической борьбы, но также и внешнеполитическую сторону, именно эпизод борьбы Франции за ее влияние на политику русского двора» [31, с. 506, прим. 79].

Аргументация Лыжина не выдерживает критики и ввиду отсутствия в его построениях должной источниковедческой основательности и логической последовательности. «Считая повесть о Святохне памфлетом времен правления Анны Ивановны (1730 - 1740), автор в то же время относит возникновение этого произведения к XVII в., не объясняя, какими же источниками пользовался сочинитель» [136, с. 190].

Вместе с тем анализ содержания памятника также говорит о беспочвенности существующих в отношении его подозрений: «подробности, содержащиеся в повести о Святохне, свидетельствуют о ее подлинности и раннем происхождении». «В повести имеются имена, выдумать которые составителю XVIII в. было невозможно. Так, полоцким князем назван Борис Давыдович. Полоцкий князь Давыд неизвестен по летописям, но его знает “Житие Евфросинии Полоцкой”. Его сыновья, Василько и Вячко, известны по “Хронике Ливонии”, написанной Генрихом Латышей. Василько и Вячко боролись против Литвы, “которые их область Двинскую обеспокоивали”, что соответствует действительности. Замечательнее всего, что в предполагаемом памфлете нет ни слова о нападениях немцев, против которых якобы он был написан» [136, с. 190, прим. 19].

Отмеченные Тихомировым совпадения сведений Повести с данными аутентичных источников требуют более подробного рассмотрения. В «Хронике Ливонии» упоминаются располагавшиеся в среднем течении Западной Двины латгальские княжества Ерсика и Кокнесе, находившиеся в даннической зависимости от Полоцка и завоеванные в начале XIII в. крестоносцами. Здесь было широко распространено православие, православными были и местные князья - Висвалдис и Ветсеке. Среди защитников замков упоминаются «русские», а Кокнесе даже называется «русским замком» [38]. Князья Ветсеке и Висвалдис упоминаются и в других источниках первой половины XIII в.: первого под именем Вячко знает Новгородская Первая летопись [104, с. 61, 264], имя Висвалдиса встречается в ливонских грамотах 1209 и 1230 гг. [5].

Прямую параллель между латгальским князем Ветсеке-Вячком и Вячком «Повести о Святохне» проводил еще сам В.Н. Татищев¹. Его поддержал С.М. Соловьев, допускавший также, что за вторым латгальским князем Висвалдисом мог скрываться другой полоцкий княжич Василько, хотя имя Висвалдис

¹ Татищев сопоставил легенду о Святохне со сведениями «Лифляндской истории» Х. Келха (конец XVII в.) о латгальских князьях и отождествлял их с пасынками Святохны, правда, прямые аналогии он проводил только между Ветсеке и Вячком (ИР. II-2. С. 258 - 259).

более созвучно русскому Всеволод [129, с. 712, прим. 435 - 436]. П.А. Сапунов предположил, что имя Василий (Василько) было вторым, христианским именем князя Всеволода [122, с. 9 - 13].

Вопрос о русском присутствии в Прибалтике имеет обширную литературу. И так или иначе большинство исследователей как русских, так и зарубежных не сомневается в том, что князя Ерсики и Кокнесе - русские князья династии Рюриковичей, а их замки - опорные пункты русской колонизации и русского господства на Западной Двине [24, с. 19; 53, с. 45 - 46; 123, с. 265 - 272, 433 - 436; 145; 68; 69; 22, с. 45-51; 140, с. 25 -27; 8, с. 421 -428, 433; 20; 131; 94; 95; 14, с. 283 - 285; 66; 101, с. 263 -266; 153, с. 59 - 62; 29]. Подобные выводы содержатся и в работах новейших исследователей, в частности белорусских [57, с. 266 - 288; 56, с. 85; 120; 70, с. 156; 87, с. 189; 47, с. 225 - 229]. Правда, в последнее время предпринимаются также попытки подвергнуть сомнению русское происхождение Висвалдиса-Всеволода и Ветсеке-Вячко. В частности, некоторые латвийские исследователи склонны видеть в них представителей местной племенной знати, но убедительных подтверждений этого предположения не представлено [96; 92, с. 147- 150].

То обстоятельство, что данные «Повести о Святохне» находят соответствия в аутентичных источниках, в частности в Хронике Генриха Латвийского, очевидца и участника немецкого завоевания Прибалтики в конце XII - первых десятилетиях XIII в., является, пожалуй, наиболее весомым аргументом в пользу достоверности передаваемых ею сведений.

По мнению М.Н. Тихомирова, о подлинности рассказа о Святохне свидетельствует его языковое своеобразие, сохраненное в передаче Татищева, «В повести нет ни одного слова, ни одной фразы, которая позволила бы говорить о позднейшем подлоге. Наоборот, даже ее вступительная фраза звучит как начало рассказа XII - XIII вв.: “В сие же время приключилось в Полоцкой земле великое зло и смятение”». В итоге исследователь приходит к однозначному выводу о том, что «повесть о Святохне должна быть признана ценнейшим литературным памятником, наряду с житием Евфросинии Полоцкой, возможно того же или несколько более раннего времени» [136, с. 190 - 191].

Этот вывод поддержан в других работах, авторы которых усматривали в Повести вполне достоверный исторический источник, отразивший реальную жизнь Полоцка начала XIII в., особенно ценный для изучения истории народных движений и политического значения веча [14, с. 215, 287; 49, с. 85; 50, с. 191; 143, с. 527-529].

В настоящее время интерес к татищевским известиям о полоцкой княгине Святохне значительно усилился. Стали появляться работы, содержащие оценку накопленных в историографии аргументов, доказывающих или, наоборот, разоблачающих подлинность этого своеобразного произведения, проводится его специальный текстологический анализ по основным редакциям «Истории Российской», с использованием максимально широкого круга дополнительных источников, а также привлечением данных генеалогии, исторической географии, археологии, истории социально-политических институтов и отношений.

В ряде работ подтверждается вывод о подлинности рассказа о Святохне, извлеченного из древней полоцкой летописи. В пользу чего приводится ряд новых доказательств, полученных, в частности, в результате сопоставления «Повести о Святохне» со сведениями некоторых белорусско-литовских летописей и эпиграфическими материалами [12, с. 351; 13].

Некоторые исследователи сомневаются в древности памятника, усматривая в нем произведение более позднего времени. «Вероятно, она («Повесть о Святохне». - А. М), - пишет Г.В. Штыхов, - имеет позднее происхождение, однако в повести присутствуют переосмысленные моменты, которые отражают определенные события более раннего времени» [151, с. 309]. Как считает Е.Л. Назарова, эта повесть могла сложиться под влиянием немецких исторических хроник XVI - XVII вв. Б. Руссова и Х. Келха [96; с. 188 - 189]. Однако ни в «Хронике Лифляндской провинции» Б. Руссова, ни в «Лифляндской истории» Х. Келха, которые в своей основе восходят к «Ливонской хронике» Генриха Латыша, нет ни малейшего упоминания о Святохне и связанных с ней событиях; эти источники вообще не интересуются внутренней жизнью Полоцка и Полоцкой земли, сосредоточившись на истории немецкого завоевания Прибалтики и взятии русского города Юрьева.

Высказывается мнение о невозможности однозначного решения интересующего нас вопроса. Сопоставив аргументы, предложенные в свое время Лыжиным и Сапуновым, М. Ермалович находит их в равной степени недостаточными. По мысли историка, как и татищевская запись под 1182 г. (о ней в нашей работе речь пойдет ниже), так и известия о Святохне «следует считать загадочными», для объяснения их происхождения и степени достоверности требуются дополнительные исследования [57, с. 290].

Наряду с этим предпринимаются новые попытки опровергнуть подлинность татищевских известий о Святохне. «Поздней подделкой» сочли эти известия В.А. Чемерицкий и Ю.А. Заяц. Их не убеждают выводы сторонников подлинности «Повести о Святохне», особенно же аргументация М.Н. Тихомирова, которую новейшие исследователи находят «поверхностной» и «несостоятельной», лишенной «даже элементарной обстоятельности».

Свои суждения цитируемые авторы основывают на том, что в работе, посвященной крестьянским и городским восстаниям, их предшественник не представил специального текстологического разбора источника, а упоминающая Висвалдиса-Всеволода и Ветсеке-Вячко Ливонская хроника не называет их сыновьями полоцкого князя, с Литвой боролись не оба брата, а только один - Вячко; в рассказе о Святохне хотя и нет сведений о нападении на Полоцк немцев, но есть упоминание о гибели Вячка «в Немцах» или «от немцев»; древнерусские летописи в числе полоцких князей все-таки упоминают одного по имени Давыд и т.п. [59, с. 106; 147, с. 20].

Думается, что при подобном запасе контраргументов столь смелые разоблачения выглядят чересчур самонадеянно.

Неоправданно, на наш взгляд, преувеличиваются В.А. Чемерицким и Ю.А. Зайцем значение различий и противоречий, имеющих место в текстах первой и второй редакций рассказа о Святохне. Одного из исследователей смущает, в частности, сделанная во второй редакции «попытка несколько затушевать» в описываемых событиях «первенствующую роль» княжича Василька и усилить роль его брата Вячка, тогда как в первой редакции Вячко «явно играет второстепенную роль» [59, с. 112]. Поводом к еще большим подозрениям для Ю.А. Зайца является некоторая замена действующих лиц в заключительной части рассказа. Согласно первой редакции, Василько отправляет к полочанам своего паробка с письмом, которое тот передает тиуну Жирному. По второй редакции, письмо княжича в Полоцк отправляет со своим служителем сын убитого тысяцкого Провор, тиун же здесь не упоминается [59, с. 112].

Отмеченные несоответствия не дают оснований сомневаться в достоверности всего передаваемого известия. Едва ли Татищев специально стал бы выдумывать Провора во второй редакции, а исключить из нее упоминание о тысяцком историк мог, сочтя его малосущественным. Кроме того, подобное обращение с текстом первой редакции не является чем-то исключительным, встречающимся только в «Повести о Святохне». Такого рода текстовые колебания (наличие незначительных смысловых добавлений или сокращений, некоторое смещение смысловых акцентов, уточнение деталей и т.п.) у Татищева обнаруживаются повсеместно, особенно при сличении текстов первой и второй редакций второй части «Истории Российской».

Совершенно не обязательно, что все это - следы фальсификации или других компрометирующих историка манипуляций с источниками. Нельзя забывать, что Татищев не просто переписывал и эклектически суммировал летописные сообщения, но и подвергал их исторической критике, по-своему переосмысливая и интерпретируя, исходя из собственных представлений и понимания исторической действительности. Именно задачи такого рода (наряду с учетом новых фактических данных) решал автор «Истории Российской» в работе над ее второй редакцией.

По мнению Ю.А. Зайца, в рассказе о Святохне имеются и «несоответствия историческим реалиям». Так, вместе с тысяцким Симеоном и посадником Воином «главным советником князя Бориса Давыдовича (а во второй редакции - и вельможей) назван ключник Добрыня». Он обличает Святохну и помоян и говорит об ответственности князя за их деяния. «Но должность ключника, - продолжает исследователь, - не являлась в то время престижной, исполнялась она, как правило, несвободными людьми (холопами). Более того, согласно статье ПО Пространной Русской Правды, вольный человек, занимая должность ключника, превращался в холопа, если только в специальном соглашении (ряде) не оговаривал сохранение личной свободы» [59, с. 113].

Ссылка на Русскую Правду в данном случае не корректна. В «Повести о Святохне» речь идет не о ключнике вообще, а о ключнике княжеском, а между ними, очевидно, такая же разница, как между тиуном вообще и тиуном княжеским. Сравнение с тиуном выбрано нами не случайно. Тиун и ключник в Русской Правде выступают однопорядковыми фигурами; НО статья, на которую ссылается Ю.А. Заяц, объединяет их в особый вид холопов: «а се третье холопство: тивунство без ряду или привяжет ключ к себе без ряду» [117, с. 72]. Такое же положение сохраняется и во времена Судебника Ивана III - статья «О полной грамоте» рассматривает тиуна и ключника в рамках одного казуса: «По тиунству и по ключу по сельскому холоп з докладом и без докладу...» [15, с. 405]. Тиун и ключник по своему социальному и правовому статусу практически неразличимы; с течением времени термин *ключник* вытесняет термин *тиун*, тиун и ключник с конца XV в. - одно и то же [127, с. 124 - 131].

Русская Правда не дает оснований считать ключника и тиуна обычными холопами. Ее 110 статья содержит специальную оговорку как раз в той части, которая относится к тиуну и ключнику: «...с рядом ли, то како ся будет рядил, на том же стоить», а Судебники 1497 и 1550 гг. прямо указывают на то, что «по городцкому ключу не холоп». Оговорки такого рода, как считают современные исследователи, на практике очень часто означали реальную возможность избежать холопства путем заключения соответствующих договоров [43, с. 1ВЗ; 44, с. 153 - 154].

Высказанные замечания, в первую очередь, относятся к княжеским тиуну и ключнику. По нормам Русской Правды, социально-правовой статус этих лиц превосходил статус рядового свободного общинника: 16 статья Краткой Правды и 1 статья Пространной Правды назначают 80-гривенный штраф за

убийство княжеского тиуна, тогда как жизнь простого «мужа» охранялась 40-гривенным штрафом. Позиция законодателя не оставляет никакой возможности уподоблять высокопоставленных княжеских слуг обычным холопам, выступающим лишь в качестве объекта правовых отношений, жизнь которых оценивалась в 5 гривен штрафа.

Тиуны и ключники относились к слугам княжеского двора, исполнявшим, прежде всего хозяйственные функции. Княжеские слуги, «слуги дворные», «дворяне» постепенно включались и в административно-судебный аппарат княжеской власти, в результате их социальный и имущественный статус неуклонно повышался. Вот почему многие из должностей княжеских слуг считались престижными, и к их исполнению привлекалась местная знать. Такое положение устанавливается на Руси еще в домонгольское время, начиная с первой половины XIII в. [124, с. 209 - 212].

Но если даже и считать княжеского ключника холопом, было бы большой ошибкой говорить, что должность эта в Древней Руси не являлась престижной и исполнялась малозначительными людьми, которые не могли играть столь заметную роль в политической жизни как ключник Добрыня «Повести о Святохне». Как известно, матерью князя Владимира Святославича была ключница его бабки по имени Малуша [111, с. 121], однако данное обстоятельство (даже если считать Малушу рабыней) не помешало ее сыну стать великим киевским князем. О деятельном участии княжеских ключников в политической жизни, в том числе в делах связанных с судьбой княжеского стола и выступлениями против князя, свидетельствует пример ключника Андрея Боголюбского по имени Анбал, которого, наряду с боярами Кучковичами, древнерусские источники называют в числе главных заговорщиков, совершивших убийство князя [109].

Кстати сказать, этот эпизод был хорошо знаком Татищеву, включившему его в свою Историю и дополнившему некоторыми отсутствующими в известных ныне летописях подробностями (ИР. П-2, с. 105 - 106, 113), поэтому личность ключника Добрыни и его роль в полоцких событиях, описываемых в «Повести о Святохне», не вызвала у историка XVIII в., в отличие от его новейшего критика, никаких затруднений. Существование института княжеских ключников в древнем Полоцке и его высокое общественное значение подтверждается продолжением этой традиции и в более позднее время, когда Полоцкая земля входила в состав Великого Княжества Литовского и когда должность ключника занимали исключительно представители привилегированной части общества [86, с. 844].

На столь же шатких основаниях покоится вывод Ю.А. Зайца об отсутствии в Полоцкой земле институтов посадника и тысяцкого, поскольку «ни один из известных нам источников не упоминает» о таковых, и только во второй половине XIV - первой половине XVI вв. в Полоцке появилось «лицо, сходное с посадником по своим функциям», которое именовалось «старший боярин» или «пребольший в боярех» [59, с. 113].

Недостаток свидетельств не может быть доказательством отсутствия явления, тем более что в данном случае речь идет не о частных, местных, а об общих, повсеместно распространенных на Руси явлениях. Посадников мы встречаем в Новгородской, Смоленской, Владимиро-Суздальской, Киевской, Переяславской, Галицкой землях [109; 111, с. 20, 204; 55, с. 144]. Еще более частыми и распространенными являются упоминания о тысяцких: наряду с тысяцкими «столичных» городов - Киева, Новгорода и Владимира - источники сообщают о ростовских, суздальских, смоленских, псковских, туровских, черниговских, сновских, белгородских, переяславских, галицких, перемышльских тысяцких [108; ПО; 111, с. 260, 268, 273, 277, 309].

О том, что посадник - явление действительно повсеместное, свидетельствует Русская Правда - правовой кодекс общерусского применения, содержащий, например, такую норму (ст. 116): «Аже кто своего холопа сам досочиться в чьем любо городе, а будет посадник не ведал его, то, поведавше ему, пояти же ему отрок от него и шедше увязати и, дати ему вязебную 10 кун» [115, с. 72]. Как видно из приведенного отрывка, присутствие в городе посадника столь же обычное и само собой разумеющееся дело, как и наличие там холопов и денежного обращения.

Должность тысяцкого имеет еще более универсальную природу. Своим происхождением она связана с древней сотенно-тысячной организацией, возникающей у многих народов мира еще на этапе родоплеменных отношений и предназначенной для выполнения военно-учетных функций [118, с. 254 - 255]. Сотенно-тысячная организация продолжала функционировать и в древнерусский период, а должность тысяцкого, помимо военно-распорядительных, приобрела еще целый ряд дополнительных функций - административных, законодательных, судебных и представительских [91].

Посадник и тысяцкий - не только необходимые атрибуты поддержания общественного порядка и законности, они также обеспечивают, каждый на своем месте, административную связь старшего города с пригородами. И в этом качестве посадник и тысяцкий получили распространение везде, где сложилась и действовала древнерусская модель государственной организации [90, с. 28 - 37]. Древний Полоцк и Полоцкая земля не были и не могли быть в этом смысле каким-либо исключением.

Еще одно «внутреннее противоречие» рассказа о Святохне историческим реалиям жизни Полоцка начала XIII в. усмотрел В. А. Чемерицкий. «Поведение и поступки всемогущей Святохны, - пишет исследователь, - не могут быть истолкованы с точки зрения реальной полоцкой истории того времени и лише-

ны элементарной правдоподобности. Каким образом Святохна, будучи только женой князя, смогла сконцентрировать в своих руках всю полноту власти в Полоцке, городе, жители которого довольно легко изгоняли неполюбившихся князей?» [148, с. 37].

Подобные замечания представляются нам, по меньшей мере, наивными. Примеров того, когда жены русских князей принимали самое активное участие в политической жизни, оставив тем самым заметный след в истории, известно немало. Такие случаи неоднократно становились предметом специального внимания историков. Одна из новейших исследовательниц данного вопроса Н.Л. Пушкарева отмечает: «История русских земель с середины XII в. ...отражена в Киевской, Ипатьевской, Новгородской и других местных летописях. И в каждой из них упоминается много имен княгинь и боярынь, участвовавших в политической жизни отдельных княжеств и даже осуществлявших единоличное правление» [113, с. 36].

Мы можем сказать и более. Не редкими были случаи, практически повторяющие историю Святохны и подтверждающие тем самым широкую распространенность описанных в ней явлений, когда княжеские жены или даже любовницы в стремлении добиться собственных политических целей шли наперекор интересам городской общины, за что потом и расплачивались слишком высокой ценой.

Вспомним хотя бы рассказанную в Ипатьевской летописи историю Настаськи, незаконной жены могущественного галицкого князя Ярослава Осмомысла, имевшей слишком большое влияние на князя. Будучи, подобно полоцкой Святохне, иноземкой, она действовала такими же методами, стараясь дать ход в Галиче своим соплеменникам - «Чарговой чади», чем вызвала против себя лютую ненависть горожан, подвергших ее жестокой казни на костре. Татищевскую героиню, избежавшую, судя по всему, такой участи, роднит с галицкой Настаськой еще одна общая черта - обе они выдвигали на княжеский стол своих сыновей в обход законных княжеских отпрысков. И Настаська в этом отношении более преуспела: умирающий Осмосыл сделал все, чтобы передать галицкий стол ее сыну [89, с. 254].

Другой пример - зловещая роль жены владими́ро-суздальского князя Андрея Боголюбского, принявшей активное участие в возникшем против него заговоре, и даже выступившей, судя по некоторым известиям, инициатором убийства князя. Подобно Святохне и Настаське владимирская княгиня была иноземкой, родом из Волжской Болгарии. Решив отомстить своему супругу за то, что тот «много воева... Болгарскую землю, и сына посылал, и много зла учинил Болгаромъ», она заключила тайный сговор с кучкой бояр, действовавших, как говорит летопись, «по научению» княгини [88, с. 33 - 35; 112].

Немало видных женщин-правительниц, которые, по выражению В.А. Чемерицкого, являлись «только женами князей», было в истории самого Полоцка. Период 30 - 50-х годов XII в., наступивший после насильственной высылки в Византию полоцких князей, В.Л. Янин и другие современные исследователи не без основания называют «полоцким матриархатом». При раскопках Полоцка и зависимого от него Кукенойса (Кокнесе) были найдены три личные княжеские женские печати. Особенно значительную роль в истории Полоцка сыграли жена князя Святослава-Георгия Всеволодовича Софья и ее дочь Предслава, в монашестве Евфросинья - знаменитая Евфросинья Полоцкая [113, с. 36 - 37; 157, с. 17-19; 156 с. 234, 274]. Приведенные факты убеждают нас в том, что «лишены элементарной правдоподобности» не столько черты властолюбивой Святохны, сколько замечания, высказанные по этому поводу новейшим исследователем.

Гиперподозрительность В.А. Чемерицкого доходит до того, что заставляет сомневаться в подлинности сообщаемых в «Повести о Святохне» имен некоторых действующих лиц на том только основании, что эти имена - Воин, Симеон, Добрыня - являются «довольно распространенными» и «встречаются в новгородских летописях» [148, с. 39]. Данный факт наглядно иллюстрирует одностороннюю заданность подхода исследователя к решаемой им проблеме. При любом другом подходе, как нам представляется, отмеченное совпадение воспринималось бы скорее в пользу татищевского известия, а не наоборот.

Не выдерживает критики и такой аргумент Чемерицкого: по мнению исследователя, лексика и синтаксис рассказа о Святохне далеки от XIII в. и «весьма напоминают язык и стиль отрывков другого загадочного источника, которым пользовался В. Татищев и который также не сохранился - Иоакимовской летописи» [148, с. 39]. Подобное сопоставление и взаимное уподобление двух различных источников выражает идущее еще от Н.П. Лыжина стремление уподобить Полоцкую летопись Иоакимовской, в недостоверности и позднем происхождении которой историк середины XIX в. был уверен. В результате тень сомнения от одного источника начинала падать и на другой, никак с ним не связанный, и оба эти источника выглядели одинаково недостоверными позднейшими подделками.

Между тем вопрос об Иоакимовской летописи не столь однозначен. С XVIII в. продолжается полемика о происхождении этого источника и степени достоверности содержащихся в нем известий [135, с. 204, 206]. В настоящее время существовавшие ранее скептические оценки в значительной мере пересматриваются. Это прежде всего касается наиболее содержательной части памятника - сказания о крещении Руси. В частности, находят археологическое подтверждение приведенные в нем сведения о крещении новгородцев. Вновь открытые факты и текстологические наблюдения подтверждают реалистичность известий о насильственном крещении жителей Новгорода, а значит и древность сохранив-

шего их источника [158; 159]. В последнее время в исторических трудах известия Иоакимовской летописи все чаще используются как достоверные, т.е. восходящие ко времени описываемых в них событий [28, с. 14; 114, с. 257 - 276; 78, с. 192 - 195; 142, с. 144 - 147; 143, с. 86 - 87, 90; 102, с. 274].

Что же касается замечания о расхождении лексики и синтаксиса татищевских сообщений с языком подлинных памятников XIII в., то основано оно на явном недоразумении. Ведь, как известно, Татищев не переписывал древние летописи, а излагал их содержание своим собственным языком, и язык первой редакции «Истории Российской» - это язык самого Татищева, искусственно приближенный автором к языку древнерусских оригиналов. И, тем не менее, именно в передаче известий Иоакимовской летописи современные исследователи находят следы употребления подлинной древнерусской лексики и фразеологии [158, с. 258].

Одно из «разоблачений» В.А. Чемерицкого касается неправильного употребления Татищевым грамматического двойственного числа, чего якобы не мог допустить древнерусский книжник, будь он автором этих известий [148, с. 39]. Подобное замечание не учитывает того факта, что путаница с употреблением именно двойственного числа - очень частое явление в древнерусских источниках XII - XIII вв., поскольку сама эта форма грамматического числового противопоставления в древнерусском языке не отличалась устойчивостью [54, с. 271]. Было бы большой ошибкой ожидать от сочинителя первой половины XVIII в. такого виртуозного владения грамматикой и стилистикой древнерусского литературного языка, которое превосходило бы мастерство самих летописцев.

Однако наиболее уязвимым звеном в построениях В.А. Чемерицкого является, на наш взгляд, противопоставление общего отношения к Полоцкой летописи Еропкина как к реально существовавшему древнему источнику полоцкого происхождения и оценки «Повести о Святохне» как позднейшей подделки, не имеющей ничего общего с подлинной Полоцкой летописью, а вышедшей из-под пера кого-то из окружения А.П. Волынского. Но ведь именно благодаря включению в «Историю Российскую» «Повести о Святохне» вообще стало известно о существовании Полоцкой летописи Еропкина; в понимании Татищева они обе неразрывно связаны друг с другом как общее и частное, что нашло отражение в сопровождающей Повесть примечании, указывающем на источник известий: «Сие выписано из летописца Еропкина, которой, видно, что пополниван в Полоцке, ибо в нем много о полоцких, витебских и других литовских князех писано» (ИР. П-2, с. 261, прим. 597).

В примечаниях к другим известиям «Истории Российской», связываемым с Еропкиным, нет указаний на их полоцкое происхождение. Не составляет исключения и рассказ о борьбе за Берестье и Дрогичин в 1182 г. (подробнее об этом известии речь пойдет в следующем разделе настоящей работы), приуроченный Татищевым к некоему «писателю», который «в области Полоцкой» «Несторову летопись дополнял», поскольку в окончательной редакции своего труда историк XVIII в. указал, что этот рассказ взят «из манускрипта Хрушова» (ИР. П-2, с. 251, прим. 530), в первой редакции, где фигурировало имя Еропкина, ничего не сказано о полоцком происхождении данного отрывка (ИР. ПР, с. 451 - 452, прим. 382).

Если устранить единственное упоминание летописи Еропкина, где указывается на ее полоцкое происхождение и речь идет непосредственно о полоцких событиях, то неизбежно окажется под вопросом само существование Полоцкой летописи, принадлежавшей этому лицу. Вместо нее мы будем иметь дело лишь с разрозненными известиями, не имеющими прямого отношения к Полоцку и Полоцкой земле и восходящими уже не к Полоцкой летописи, а к каким-то практически неуловимым «манускриптам» Еропкина и Хрущева. Без этого центрального звена, каковым в отношении Полоцкой летописи Еропкина выступает «Повесть о Святохне» - наиболее пространный и содержательный ее отрывок, представить существование Полоцкой летописи будет невозможно.

Еще одну попытку реанимировать старую гипотезу памфлета предпринимает другой новейший исследователь - А.П. Толочко. Сравнивая рассказ о Святохне с другим сообщением «Истории Российской» - так называемым «конституционным проектом» Романа Мстиславича, А.П. Толочко приходит к выводу, что оба они в равной степени являются продуктом творчества самого Татищева. Историк XVIII в. будто бы скомпоновал эти сообщения из разных известий, разбросанных по древним источникам, а также из отдельных сообщений самой «Истории Российской», отражавших его собственные идеальные представления о государственном устройстве.

Совершенно не касаясь содержания «Повести о Святохне» (будучи, вероятно, уверенным, что толкование Лыжина исчерпывающим образом решает этот вопрос²) А. П. Толочко сосредоточивает свое внимание на лексических и синтаксических особенностях татищевского текста, полагая, что «метод работы» над сообщением о Святохне «целиком идентичен методу составления проекта Романа Мстиславича.

² Кстати сказать, с работой Н.П. Лыжина А.П. Толочко, по его собственному признанию, не знаком и судит о ней исключительно по отзывам других историков. Это не помешало ему не только присоединиться к давно уже поставленной под сомнение гипотезе, но и опираться на нее в собственных выводах.

Та же лексика и синтаксические конструкции, выдающие автора XVIII в., те же злоупотребления союзами “ач”, “иж”, “абы” и т.д. (первые два при этом иногда употреблены ошибочно в значении союза “но”)) [141, с. 256].

Подобный метод проверки известий Татищева кажется нам более чем сомнительным. Ведь общеизвестно, что автор «Истории Российской» не являлся переписчиком летописей и, следовательно, не воспроизводил текст летописного сообщения, а подвергал его литературной обработке, используя (в первой редакции) специально выработанный им самим язык, стилизованный под «древнее наречие». Лексические несоответствия татищевских известий словарному составу древнерусского языка отнюдь не являются доказательством подделки. А злоупотребления и неправильное использование союзов *ач*, *иж*, *абы* вообще характерный признак литературной манеры Татищева (что признает и сам Толочко): по подсчетам Е.М. Добрушкина, союз *ач*, к примеру, ок. 100 раз встречается в самых разных местах «Истории Российской» [52, с. 85].

Далее А.П. Толочко выдвигает еще одно основание для своих подозрений. В рассказе о Святохне имеются «прямые текстуальные параллели с проектом Романа и его летописным источником, выдающие руку одного автора». Что же это за параллели? Оказывается, речь идет о случаях, известных по древнерусским летописям, когда происходили события, внешне напоминающие татищевские известия о Романи и Святохне, как, например, Любечский съезд князей или волнения в Киеве 1147 г. [141, с. 256].

Нам представляется, что поиски параллелей такого рода могут слишком далеко увести исследователя. Дело в том, что при описании схожих событий летописцы употребляли, как правило, очень похожие формулировки, своего рода литературные клише, повторяющиеся нередко дословно, а княжеские съезды и народные волнения - явления, можно сказать, типичные для Древней Руси, происходившие почти с регулярной периодичностью. Вот и получается, что список параллелей к известиям о Романи и Святохне можно продолжать сколь угодно долго (у Толочко он занимает несколько страниц). С такой же легкостью все эти параллели могут быть обращены в доказательства подлинности татищевских сообщений, поскольку они подтверждают реалистичность приводимых им сведений, их соответствие нормам древнерусской действительности.

В «Истории Российской» есть еще одно сообщение, заимствованное, как представляется, из того же источника, что и «Повесть о Святохне». Речь идет о помещенном под 1182 г. описании участия польских войск в междоусобных столкновениях западнорусских князей, оспаривавших друг у друга города Берестье и Дрогичин. Данное сообщение, подобно рассказу о Святохне, изобилует многочисленными деталями и любопытными подробностями и точно так же не находит прямых параллелей в других источниках.

В нем говорится о том, как дрогичинский князь Василько Ярополчич «поссорился» с минским князем Владимиром (Владмирком) Володаревичем, державшим также и берестейский стол. Призвав «поляков и мазовшан в помочь», Василько разбил Владимира в битве на реке Буге и овладел Берестьем, но сам княжить в городе не отважился, оставив здесь «брата жены своей, князя мазовецкого, с поляки». Тем временем Владимир Володаревич, собрав новое войско и получив помощь полоцких князей, вернулся в Берестье и «по жестоких приступах чрез девять дней Бресть взял и поляков многих побил, достальных на окуп и в размену за своих отпустил».

Продолжив наступление, Владимир нанес войскам Василька новое поражение на реке Нуре под Дрогичином, после которого «едва Василько с малыми людьми к тестю своему Лешку ушел». Последний «тотчас, есче собрав войско, пошел на Владимирка и принудил его, оставя Подляшье, область Василкову, выйти к Брестю за реку Буг». Однако воспользоваться плодами такой победы дрогичинский князь не смог. «Василко, не имея чем полякам обещанного заплатить, котораго от него усиленно требовали, пожитки бо его все Владимирко в Дрогичине и Нуре пограбил и города разорил, уступил тестю по себе все свое владение...» (ИР. 11-2, с. 127-128).

Вопрос о достоверности этого известия также занимал многих исследователей. Он поставлен уже давно, но до сих пор не получил удовлетворительного решения. Выяснение его сопряжено с другой серьезной проблемой. Татищевское известие не находит соответствия с сообщениями некоторых польских источников, прежде всего Хроники Винцентия Кадлубка, где содержатся сведения о походе на Берестье малопольского князя Казимира Справедливого, вмешавшегося в междоусобную борьбу русских князей [146, с. 105, 106]. Сведения Кадлубка и других польских хронистов неоднократно сопоставлялись с рассказом Татищева. Однако разница в показаниях источников настолько велика (называются различные участники события, по-разному излагаются обстоятельства происшедшего), что как-либо согласовать их почти невозможно. Приходится либо полностью отвергать одно из них (ясно, что предпочтение в таком выборе отдается польскому источнику как более раннему), либо хронологически «разводить» эти сообщения, приурочив одно из них к событиям более раннего или позднего времени.

Н.М. Карамзин отказывался принимать рассказ Татищева, считая его смешанным «с явной ложью» [67, с. 551, прим. 87]. Однако по мере того как в середине - второй половине XIX в. общее отно-

шение к историческому творчеству Татищева стало понемногу смягчаться [33], оригинальные сведения «последнего русского летописца», касающиеся, в частности, русско-польских отношений, хотя и с разными оговорками, начинают использовать в своих работах как русские, так и польские историки [4, с. 14; 7, с. 330 - 331; 82, с. 32 - 34, 53, 55, 57, 61, 65 - 66, 78 - 79, 82 - 83, 117, 119 - 120, 125 - 128, 131, 133, 148, 151 - 152, 166, 190, 197, VII, IX-X, XIV, XVI, XX; 19, с. 46-48; 60, с. 99].

Особенностью изучения татищевского известия о борьбе за Берестье выступает тот факт, что в отечественной и польской историографии оно воспринимается по-разному. Польские историки в целом подходят к нему с большим доверием, нежели отечественные (русские и украинские), в чьих работах преобладающим является критическое отношение. Примером может служить высказывание М.С. Грушевского, в котором звучит характерная снисходительно-ироническая интонация: «Рассказ этот (о борьбе за Берестье - А. М), очевидно, действительно взят из какой-то летописной компиляции, но ввиду отмеченной у Татищева бесцеремонности в пересказе летописных известий подробности его мы должны брать *cum grano salis*» [45, с. 367, прим. 1].

У польских же авторов конкретно-исторический анализ превалирует над общими соображениями о характере и научной значимости исторического творчества Татищева. Поэтому в их работах мы встречаем более оптимистический настрой: хотя Татищев и «любил приукрашивать» сообщения источников собственными домыслами, однако «главный сруб» своего рассказа должен был почерпнуть из древней полоцкой летописи, и этим определяется ценность его рассказа [10, с. 13; 1, с. 188; 11; 9, с. 14 - 15; 2, с. 200-201].

В трудах последнего времени вновь проявил себя скептический подход. Изложенный в «Истории Российской» сюжет о борьбе за Берестье и Дрогичин в 1182 г. полностью обойден вниманием в фундаментальной монографии В.Т. Пашуто [100]. Его отвергает и А.Б. Головкин на том основании, что татищевское известие «не согласуется со сведениями современных событию памятников и в связи с этим не может быть использовано в качестве источника по рассматриваемому вопросу». (Как полагают исследователи, Винцентий Кадлубек начал работу над своей Хроникой на склоне лет в Енджеевском монастыре, куда он удалился после оставления епископской кафедры, таким образом, время его работы приходится на 1218 - 1223 гг.) [40, с. 83 - 84].

Заметим, что несоответствие показаний одного источника с другими - еще не основание, чтобы их отвергать, тем более что альтернативное татищевскому известие Винцентия Кадлубка (а именно оно, надо полагать, имелось ввиду) в строгом смысле исходит не от современника событий, - работу над своей Хроникой отставной краковский епископ начал не менее чем через три с половиной десятилетия после описываемого похода Казимира. (Как полагают исследователи, Винцентий Кадлубек начал работу над своей Хроникой на склоне лет в Енджеевском монастыре, куда он удалился после оставления епископской кафедры, и таким образом время его работы приходилось на 1218 - 1223 гг. [154, с. 79]). Впрочем, в данном вопросе взгляды А.Б. Головкина нельзя назвать последовательными. В новейшей работе он присоединяется к мнению исследователей, считающих, что известия Татищева «дают определенную информацию» о судьбе берестейско-дрогичинских земель второй половины XII в. [39, с. 63].

Против крайних суждений в оценке татищевского известия 1182 г. высказывается А.В. Горюнов, посвятивший его анализу специальное исследование [42]. Историк отмечает, что сведения «последнего русского летописца» по своей надежности не уступают путаному и тенденциозному сообщению «современника событий» Винцентия Кадлубка, но поскольку источник их не может быть установлен, весь татищевский рассказ о борьбе за Берестье «приходится все же отнести к числу апокрифов» [42, с. 146].

Итак, несмотря на значительные усилия, затраченные исследователями, вопрос о достоверности татищевского известия 1182 г. по-прежнему остается открытым. В немалой степени это объясняется, как уже отмечалось, общим весьма неоднозначным отношением к «Истории Российской» как источнику оригинальной информации, дополняющей массив летописных известий.

В примечании к рассказу о борьбе за Берестье В.Н. Татищев поясняет, что приведенные в нем сведения отсутствуют в волынской летописи и были почерпнуты из какого-то иного имевшегося в его распоряжении источника. Однако более или менее точно определить этот источник автор не может. Сверх того, передаваемые им характеристики этого ныне неизвестного документа настолько противоречивы, что происхождение его может вызвать серьезные подозрения.

В первой редакции «Истории Российской» утверждается, будто названный фрагмент взят «из летописца Еропкина»: «Сие взято из летописца Еропкина, а в прочих пропущено, из чего видно, что на Волыни в сии времена историков не было или были, да нас не дошли; а паче мною, что списыватели оное и написанное для сокращения, за постороннее почитая, выметали» (ИР. ПР, с. 451 - 452, прим. 382). Во второй же редакции вместо Еропкина Татищев почему-то указывает на другого своего сотрудника - Хрущева, летопись именуется «манускриптом Хрущева», составленным «в области Полоцкой»: «Сие взято из манускрипта Хрущева, а в прочих пропущено. Из сего видно, что некто в области Полоцкой писатель Несторову летопись дополнял» (ИР. П-2, с. 251, прим. 530). Однако это чтение присутствует не во всех вариантах татищевского произведения. В Воронцовском списке, отразившем один из ранних этапов ра-

боты над текстом примечаний второй редакции второй части, вместо «манускрипта Хрущева» читаем уже знакомое «летописца Еропкина» (ИР. ВСП, с. 300 - 301, вар. 9-9).

Странная путаница с именами сотрудников, тем не менее, не дает оснований говорить о каком-то легкомысленном отношении Татищева к интересующему нас источнику. Как установлено исследователями, вопрос о достоверности источника не просто занимал автора «Истории Российской», но вообще являлся главным вопросом его источниковедческой работы [72, с. 12]. Действительно, этот вопрос получил у Татищева детальную методическую разработку: «Верность сказания, - писал историк, - за главное почестся может, оное же на многие степени разделяется». К первой «степени» он относил рассказы участников событий, затем сообщения современников или записи, сделанные с их слов. При этом иностранные сочинения заведомо уступают отечественным, ибо «о своем отечестве, если страстию самолюбия или самохвальства не побежден, всегда более способа имеет правую написать, нежели иноземец», плохо владеющий языком и недостаточно знающий обычаи и законы страны (ИР. I, с. 83).

Верный этому правилу историк подвергает проверке сведения, содержащиеся в «манускрипте» Еропкина, сопоставляя с известными ему сообщениями польских хронистов (Я. Длугоша, М. Кромера, М. Меховского, М. Бельского) о победах и завоеваниях Казимира Справедливого на Руси, в частности о том, что «Казимир у русских взял сии страны, Бресть Литовскую, которая было от Польши отступила, Дрогичин в Подляшии, Володимер и Перемышльскую страну, и в Берестии замок построил» (ИР. ПР, с. 452, прим. 382; ИР. II-2, с. 251, прим. 530).

Произведения польской средневековой историографии, уже опубликованные в Европе, были доступны и широко использовались русскими авторами первой половины XVIII в., оказав заметное влияние на становление отечественной историографии и исторической прозы. Особой популярностью, помимо произведений уже названных авторов, пользовалась Хроника М. Стрыйковского, также хорошо известная Татищеву [93, с. 86 - 90; 116, с. 150 - 157].

Но в отличие от многих своих современников автор «Истории Российской» имел возможность сличать данные польских хроник с показаниями мало известных тогда еще русских источников. Сравнение убедило историка в том, что по своей надежности показания Полоцкой летописи никак не уступают сведениям польских авторов. Последние он подвергает дополнительной проверке, сопоставляя с рассказом Винцентия Кадлубка, и кроме того обнаруживает в них серьезные внутренние противоречия.

Тем самым Татищев окончательно убеждается, что сообщения хронистов XV - XVI вв. есть «сухая ложь», поскольку «Кодлубок о том не упоминает», а из дальнейшего изложения «ниже покажется от них самих, сколько Роман владимирский и галицкий им страшен был» (ИР. ПР, с. 452, прим. 382). К тому же, указанные сообщения не соответствуют общему ходу исторических событий русско-польских отношений: «Брест, Владимир и Червонную Русь гораздо позже литовские князи, от русских завладев, Польше приобщили. А в сие время Роман галицкий там был силен, что поляки не смели на его пределы воевать» (ИР. II-2, с. 251, прим. 530).

Следовательно, сообщение о походе поляков на Берестье и Дрогичин не могло быть связано с рассказами польских хроник, из них Татищев мог взять только дату похода - 1182 г. Кроме того, рассказы польских хроник чересчур политически тенденциозны и потому были неприемлемы для патриотически настроенного автора «Истории Российской». Польские известия, скорее, должны были заставить его обойти сюжет о Берестье стороной как «сухую ложь», если бы не наличие альтернативной версии заслуживающего доверия источника.

В работе над «Историей Российской» В.Н. Татищев использовал сведения, почерпнутые из летописи Еропкина неоднократно. Однако точное количество ссылок на этот источник и, следовательно, степень его использования до сих пор не установлены. В литературе можно встретить на сей счет весьма противоречивые указания. С.Л. Пештич ограничивается лишь отдельными примерами использования Полоцкого летописца Еропкина, на который «в примечаниях к “Истории” сделано всего несколько ссылок, напр., 620, 589, 597» [103, с. 259]. Но и в таком, примерном, перечне исследователь допускает неточность: в 620-м примечании второй редакции, как и в соответствующем ему 474-м примечании, первой редакции второй части «Истории Российской» ссылок на летописца Еропкина нет (ИР. II-2, с. 266, прим. 620; ИР. ПР, с. 465, прим. 474). Нет упоминания о Еропкине и в 620-м примечании издания 1774 г., которым пользовался С.Л. Пештич (ИР. 1774, с. 306).

Г.В. Штыхов говорит о трех ссылках Татищева на летопись Еропкина (Полоцкую летопись) [151, с. 308]. А.В. Горовенко зафиксировал пять таких ссылок в примечаниях к первой редакции, из которых во вторую редакцию перешли только две [42, с. 146]. В.А. Чемерицкий насчитывает «около десяти» случаев упоминания Татищевым летописи Еропкина, ограничиваясь лишь указанием на некоторые из них (сообщения об убийстве Андрея Боголюбского в 1175 г. и казни его убийц в 1176 г., рассказ о борьбе за Берестье 1182 г., сведения о взятии в 1204 г. Константинополя крестоносцами и о событиях в Галиче 1213 г.) [147, с. 17].

Наконец, по подсчетам А.П. Толочко, «в общей сложности Татищев приводит шесть сообщений из Еропкинской летописи в первой редакции, два из которых во второй редакции переадресованы Хрущеву. Это - выписка с обстоятельствами смерти Андрея Боголюбского; выписка с описанием последующей расправы Михалка с дружиной Андрея; одно известие галицкого происхождения; одно - полоцкого. Переадресованные - это проект Романа и сообщение о войне Василька с Владимиром Борисовичем» [141, с. 260 - 261, прим. 75]. Однако при подобных подсчетах исследователем использована ошибочная методика, и поэтому результаты их не могут быть правильными. А.П. Толочко сосчитал лишь те отсылки к Еропкинской летописи, которые имеются в примечаниях второй редакции (четыре), прибавил к ним случаи переадресовки от Еропкина к Хрущеву (два) и получил итоговое значение (шесть), полагая, что в таком составе выдержки из летописи Еропкина были представлены в первой редакции.

На самом деле картина использования Татищевым материалов, полученных от Еропкина, выглядит иначе. В примечаниях первой редакции второй части сделано семь ссылок на этого информатора, и, кроме того, состав их нельзя свести к сумме ссылок второй редакции, поскольку между ними нет полного соответствия. Приведем эти ссылки:

- 1) под 1175 г. в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского (ИР. ПР, с. 449, прим. 368);
- 2) под 1182 г. в изложенном выше рассказе о борьбе за Берестье и Дрогичин;
- 3) под 1203 г. в сообщении о так называемом «конституционном проекте» Романа Мстиславича (ИР. ПР, с. 457, прим. 429);
- 4) под 1204 г. в рассказе о захвате Константинополя крестоносцами (ИР. ПР, с. 458, прим. 433);
- 5) под 1213 г. в известии о посольстве галичан в Смоленск (ИР. ПР, с. 461, прим. 450);
- 6) под 1216 г. в рассказе о «великом зле» в Полоцкой земле («Повесть о Святохне»);
- 7) под 1218 г. в сообщении о смерти великого князя Константина Всеволодовича (ИР. ПР, с. 462, прим. 460).

Из названных ссылок в окончательном варианте примечаний второй редакции сохранились только три, относящиеся к следующим известиям:

- 1) об убийстве Андрея Боголюбского (ИР. Н-2, с. 249, прим. 512);
- 2) о галицком посольстве в Смоленск (ИР. П-2, с. 260, прим. 589);
- 3) о полоцкой княгине Святохне, причем в новой редакции изменена датировка сообщения - вместо 1216 г. оно отнесено к 1217 г. (ИР. 11-2, с. 261, прим. 597).

К этим ссылкам добавилась еще одна - новая:

- 4) под 1176 г. в рассказе о казни жены Андрея Боголюбского (ИР. Н-2, с. 250, прим. 520).

В двух других случаях (сообщения о захвате Константинополя и смерти Константина Всеволодовича) в окончательном (печатном) варианте текста примечаний второй редакции ссылки на Еропкина отсутствуют (ИР. П-2, с. 257, прим. 573; с. 262, прим. 600). Они имелись только в Воронцовском списке примечаний, занимающем промежуточное положение между первой и второй редакциями (ИР. ВСП, с. 304, вар. 80; с. 305, вар. 18), однако в ходе дальнейшей работы по каким-то причинам эти ссылки были опущены. Еще в двух ссылках (к известиям под 1182 и 1203 гг.) имя Еропкина в новой редакции заменено на имя Хрущева (ИР. Н-2, с. 251, прим. 530; с. 257, прим. 569).

Отмеченные изменения наглядно показывает следующая сводная таблица:

Год	Первая редакция		Вторая редакция	
	содержание известия	источник	содержание известия	источник
1175	Убийство Андрея Боголюбского	Еропкин	Убийство Андрея Боголюбского	Еропкин
1176			Казнь убийц Андрея Боголюбского	Еропкин
1182	Борьба за Берестье и Дрогичин	Еропкин	Борьба за Берестье и Дрогичин	Хрущев
1203	«Конституционный проект» Романа Мстиславича	Еропкин	«Конституционный проект» Романа Мстиславича	Хрущев
1204	Захват Константинополя крестоносцами	Еропкин	Захват Константинополя крестоносцами	не указан
1213	Посольство галичан в Смоленск	Еропкин	Посольство галичан в Смоленск	Еропкин
1216	Повесть о Святохне	Еропкин	Повесть о Святохне	Еропкин
1217	Смерть великого князя Константина	Еропкин	Смерть великого князя Константина	не указан
1218	Всеволодовича		Всеволодовича	

Наибольшее смущение у исследователей вызывает произведенная во второй редакции перестановка имен информаторов, предоставивших сведения о событиях 1182 г., и особенно о «конституционном проекте» 1203 г. А.П. Толочко увидел в ней стремление Татищева отвести от себя возможные подозрения, поскольку «два памфлета (проект Романа и история Святохны. -А. М.) от одного человека (Еропкина. - А. М.), действительно, было бы подозрительным». За всем этим, по мнению Толочко, скрывается еще более изощренный умысел: «Татищев знал, что после казни мужа вдова Хрущева распродала

“врознь” его библиотеку (об этом он, как бы невзначай, напоминал Академии), и таким образом, мог надеяться, что это обстоятельство обезопасит его от возможных проверок» [141, с. 258].

На наш взгляд, подозрения должно было вызывать не количество «памфлетов», смутившее будто бы самого Татищева и заставившее пуститься на рискованные манипуляции с источниками, а, скорее, наоборот, неоправданная замена источника должна была бросить тень на сообщаемые им сведения, как это и произошло в итоге. Что же касается хрущевской библиотеки, то она отнюдь не была распродана «врознь», как почему-то думает Толочко: книги из нее приобрела Академия Наук (о чем, кстати сказать, хлопотал Татищев), а рукописи - два «Летописца» и трактат «О правлении гражданском» - поступили в Коллегию иностранных дел [23, с. 88 - 89; 84, с. 228 - 229]. Таким образом, совершая подлог, Татищев не только не «обезопасил» бы себя «от возможных проверок», но неминуемо оказался бы под угрозой разоблачения.

Не выдерживают критики и построения А.В. Горovenko. Он характеризует произведенную Татищевым замену имен Еропкина и Хрущева как «подмену» и вдобавок к двум действительно имеющим место случаям «наблюдает» еще и третий, вымышленный им самим [42, с. 146]. Тем самым у Татищева как бы обнаруживается тенденция намеренного запутывания своих читателей.

«Из пяти ссылок на Еропкина в примечаниях к первой редакции перешли во вторую только две», - продолжает свои источниковедческие «наблюдения» Горovenko и вновь ошибается: из первой во вторую редакцию, как мы видели, перешли четыре ссылки и к ним добавилась еще одна. «В то же время, - читаем далее, - во второй редакции появились два примечания, в которых манускрипт Еропкина признается будто бы лишь вариантом Степенной книги». Новая неточность: как «вариант Степенной книги» летопись Еропкина «признается» и в первой редакции (ИР. ПР, с. 449, прим. 368). Резюмируя полученные таким образом «наблюдения», А.В. Горovenko делает пессимистический вывод: «существующее в литературе представление о “Полоцкой летописи” Татищева, к сожалению, ...не имеет под собой надежной опоры» [42, с. 146].

Мы не можем согласиться с подобным утверждением. При решении проблемы Полоцкой летописи В.Н. Татищева следует учитывать, что не все имеющиеся в «Истории Российской» ссылки на Еропкина имеют отношение к этому источнику. Из приведенного выше перечня прежде всего необходимо исключить сообщение о «конституционном проекте» Романа Мстиславича. В авторских пояснениях четко указывается, что речь здесь идет не о собственно «летописце» («манускрипте») Еропкина, а о какой-то выписке из совершенно другого источника; эта выписка была сделана в Новгороде «из древнего летописца» и в таком виде попала к Татищеву (ИР. ПР, с. 457, прим. 429). Следовательно, источником сведений о «конституционных» планах Романа была не Полоцкая летопись, а какой-то документ новгородского происхождения. Связь этого «древнего летописца» с Еропкиным не была очевидна для самого Татищева: в примечаниях второй редакции в качестве информатора по данному вопросу значится Хрущев (ИР. И-2, с. 257, прим. 569).

Далее, не имеет отношения к Полоцкой летописи известие об убийстве Андрея Боголюбского, которое, как свидетельствует Татищев, было почерпнуто из принадлежащей Еропкину Степенной книги: «О убийнии князя Андрея в Степенной тако..., а в Степенной же Еропкина прибавлено...» (ИР. ПР, с. 249, прим. 512; ИР. 11-2, с. 449, прим. 368). Ясно, что речь здесь идет об источнике совершенно иного рода. То же самое, видимо, следует сказать и о тематически близком известии о казни жены Боголюбского, виновницы убийства князя. О его источнике Татищев сообщает следующее: «О казни ея (жены Андрея Боголюбского. - А. М.) во многих пропущено, а в некоторых Степенных разное описано... Но я точно, из манускрипта Еропкина взяв, яко обстоятельнейшее, внес» (ИР. II-2, с. 250, прим. 520). Употребление в данном контексте термина «манускрипт» никак не исключает возможности видеть здесь Степенную книгу, тем более что именно Степенные книги Татищев считает наиболее содержательным источником по рассматриваемому вопросу, что полностью соответствует действительности.

Таким образом, в распоряжении Татищева было несколько древних источников (копий или выписок из них), так или иначе связываемых с Еропкиным. О множественном характере дополнительных сообщений «из древних русских летописцев», получаемых в процессе работы от Еропкина и Хрущева, говорит он сам в главе «О списках или манускриптах, употребленных к сему собранию»: «Сверх сих от разных снискательных о истории русской людей, яко весьма о том прилежно трудившихся, но в несчастье впадших, Волынского, советника Хрущова и архитектора Еропкина, которые, читая мое собрание, из древних русских летописцев мне к дополнению сообщали, как в части второй в примечаниях показывано» (ИР. I, с. 125).

Если так, то с Полоцкой летописью Еропкина уверенно можно связывать только те известия, которые сам Татищев сопровождает соответствующими указаниями. Таких известий во второй части «Истории Российской» всего четыре, два из которых непосредственно касаются Полоцкой земли либо полоцких князей. Первое относится к 1182 г. и, как мы видели, сопровождается ссылкой на некоего «писателя» из «области Полоцкой». Второе помещено под 1217 г. - это уже известная нам «Повесть о Святохне». Третье и четвертое сообщают о захвате Константинополя крестоносцами в 1204 г. и о посольстве

галичан к смоленскому князю Мстиславу Романовичу, датированном 1213 г.; оба они требуют отдельного рассмотрения, что будет предпринято нами ниже.

Что же представлял собой Полоцкий летописец Еропкин и каковы обстоятельства его появления и работы с ним Татищева? Как следует из дальнейших объяснений автора «Истории Российской», он имел возможность лишь беглого знакомства с летописцем, который только на короткое время оказался в его поле зрения и затем был уже недоступен: «...я не имел времени всего выписать, и потом его видеть не достал, слыша, что отдал списывать» (ИР. ПР, с. 462, прим. 457; ИР. II-2, с. 261, прим. 597).

Таким образом, в силу причин сугубо объективного свойства о Полоцкой летописи Татищев имел весьма отдаленные представления. Знакомство с источником было поверхностным и кратким, и поэтому использование его не могло носить систематического характера, а представляло собой отдельные и во многом случайные реминисценции, возникающие на фоне работы с другими, более основательно изученными источниками. Этим объясняются и редкие ссылки на Полоцкую летопись, и отсутствие ее более или менее обстоятельного палеографического описания. Имеющиеся у нас сведения об истории создания Татищевым его главного произведения подтверждают сделанный вывод.

Окончание статьи в следующем номере журнала «Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки».

Принятые сокращения

- ИР. I - «История Российская». Часть I. - Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1994. Т. I.
ИР. II-2 - «История Российская». Часть II (Вторая редакция). Главы 19 - 39.-Там же. М., 1995. Т. III.
ИР. ПР - «Истории Российской». Часть II (Первая редакция). - Там же. М., 1995. Т. IV.
ИР. ВСП - «История Российская». Воронцовский список примечаний ко II-ой части (второй редакции). - Там же. Т. III. Варианты к примечаниям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Balzer O. Genealogia Piastów. - Kraków, 1895.
2. Caban W. Polityka polnocno-wschodnia Kazimierza Sprawiedliwego w latach 1177 - 1192. // Rocznik Bialostocki. - Warszawa, 1974.
3. Gorlin M. La chronique de Joachim // Revue de: etudes slaves. - Paris, 1939. Т. XIX.
4. Gorski K. Stosunki Kasimierza Sprawiedliwego z Rusią. - Lwow, 1875. Т. XIX.
5. Livlandische Güterurkunden. - Riga, 1908. - Bd. I. № 2, 13.
6. Mitkowski J. Leszek Bo'leslawicz // Polski Słownik Biograficzny. - Krakow, 1972. Т. XVII.
7. Smolka S. Mieszko Stary i wiek jego. - Warszawa, 1881.
8. Taube M. Russische und litauische Fürsten zu der Dttna zur Zeit der Deutschen Eroberung Livlands // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Neue Folge. - Breslau, 1935. Bd. XI. H. 3/4.
9. Wilkiewicz-Wawrzynczyk A. Ze studjow nad polityka polska na Rusi na przelomie XII i XIII w. // Ateneum Wilenskie. Czasopismo naukowe, poświęcone badaniom przeszłości ziem Wielkiego x. Litewskiego. Rocznik XII. - Wilno, 1937.
10. Włodarski B. Sqsiedstwo polsko-ruskie w czasach Kasimierza Sprawiedliwego // Kwartalnik Historyczny. R. LXXXVI. - 1969.-Z. 1.
11. Zajczkowski S. Najdawniejsze osadnictwo polskie na Podlasiu // Roczniki do dziejow spol. i gospod. - Lwow, 1936. Т. V.
12. Александров Д.Н. Феодалная раздробленность Руси. - М., 2001.
13. Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII - XVI вв. - М., 1994.
14. Алексеев Л.В. Полоцкая земля. - М., 1966.
15. Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. - СПб., 2001.
16. Андреев А.И. Переписка В.Н. Татищева за 1746- 1750 гг. // Исторический архив. -М.; Л., 1951. Т. VI.
17. Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по географии России // Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. - М., 1950.
18. Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. - М., 1994. Т. I.
19. Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV ст. - Киев, 1887.
20. Аннинский С. А. Комментарии // Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Прим. 471 - 484.
21. Библиография произведений В.Н. Татищева и литературы о нем // Архивно-информационный бюллетень (Приложение к журналу «Исторический архив»). Сер III. - 1995. - № 8.
22. Баллод Ф.В. Некоторые материалы по истории латышского племени с IX по XIII ст. - М., 1910.

23. Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI ст. - М., 1898.
24. Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. - М., 1872. Кн. IV. Ч. 1: История Полотска от древнейших времен до Люблинской унии.
25. Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. - СПб., 1882.
26. Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. - СПб., 2001.
27. Болебрух А.Г. Использование В.Н. Татищевым летописных известий о народных восстаниях Киевской Руси в «Истории Российской» // Анализ публикаций источников по отечественной истории. - Днепропетровск, 1978.
28. Буганов В.И. Очерки истории классовой борьбы в России XI - XVIII вв. - М., 1986.
29. Булкин В.А. Герцике и Куkenойс (к постановке проблемы) // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города / Под ред. И.Я. Фроянова. - Л., 1988.
30. Валк С.Н. «История Российская» В.Н. Татищева в советской историографии // Татищев В.Н. Собр. соч.: В 8-ми т. - М., 1996. Т. VII - VIII.
31. Валк С.Н. «История Российская» В. Н. Татищева в трудах Н.М. Карамзина // Валк С.Н. Избранные труды по источниковедению и историографии. - СПб., 2000.
32. Валк С.Н. «История Российская» В.Н. Татищева в трудах отечественных исследователей XIX - начала XX века. Подготовительные фрагменты // Валк С.Н. Избранные труды по источниковедению и историографии.
33. Валк С.Н. В.Н. Татищев в своем болдинском уединении // Проблемы истории феодальной России. - Л., 1971.
34. Валк С.Н. О рукописях второй редакции второй части «Истории Российской» В.Н. Татищева // Татищев В.Н. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. II - III.
35. Валк С.Н. О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В.Н. Татищева // Татищев В.Н. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. VII.
36. Валкина И. В. К вопросу об источниках Татищева // XVIII век. М.; Л., 1966.
37. Вышегородцев В.И. Иоакимовская летопись как историко-культурное явление. Дисс. ... канд. ист. наук. - М., 1986.
38. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. - М.; Л., 1938. Кн. X. Гл. 3; Кн. XIII. Гл. 4.
39. Головкин О. Побужжя в контексті політичного розвитку Південно-Західної Русі (X - перша половина XIII ст.) // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). - Київ, 2002. Вип. 2.
40. Головкин А.Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X - первой трети XIII вв. - Киев, 1988.
41. Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.
42. Горюнов А.В. Татищевское известие о борьбе за Берестье в 1182 году // Вопросы истории. - 1995. - № 8.
43. Греков Б.Д. Киевская Русь. - М., 1953.
44. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. - М., 1951. Кн. 1.
45. Грушевський М.С. Історія України - Руси. - Київ, 1992. Т. II.
46. Грушевський М.С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV ст. - Київ, 1991.
47. Гурын М., Штыхаў Т. Барацьба з іншаземнымі захопнікамі // Гісторыя Беларусі: У 6-ціт. Т. I.
48. Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. - Киев, 1896.
49. Дворниченко А.Ю. О характере социальной борьбы в городских общинах Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI - XV вв. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы социальной и классовой борьбы. - Л., 1985.
50. Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. - СПб., 1993.
51. Добрушкин Е.М. К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российской» В.Н. Татищева // Исторические записки. - М., 1976.
52. Добрушкин Е.М. О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории. 1976 г. - М., 1977.
53. Довнар-Запольский М.В. Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст. - Киев, 1891.
54. Древнерусская грамматика XII - XIII вв. / Отв. ред. В.В. Иванов. - М., 1995.
55. Древнерусские княжеские уставы XI - XV вв. - М., 1976.
56. Дучыц Л.У. Браслаўскае Паазер'е у IX - XIV стст.: Гісторыка-археалагічны нарыс. - Мн., 1991.
57. Ермаловіч М. Старажытная Беларусь: Полацкі і Навагародскі перыяды. - Мн., 2001.
58. Ермаловіч М.І. Тацішчаўскія звесткі пра Беларусь // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. - 1976. - № 2.
59. Заяц Ю.А. К вопросу о достоверности татищевского рассказа о Святохне // Гістарычна-археалагічны зборнік. - Мн., 2000. - № 15.

60. Иванов П.А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. - Одесса, 1895.
61. Иваск У.Г. Частные библиотеки России. Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. - 1911.-№7.
62. Иконников В.С. Опыт русской историографии. - Киев, 1892.Т. 1.Ч. 2.
63. Иконников В.С. Опыт русской историографии. - Киев, 1908.Т. II. Ч. 1.
64. Иконников В.С. Опыт русской историографии. - Киев, 1908.Т. II. Ч. 2.
65. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии Наук. - М.; Л., 1956. Вып. 1.
66. Казакова Н.А. Полоцкая земля и прибалтийские племена в X - начале XIII вв. // Проблемы истории феодальной России. - Л., 1971.
67. Карамзин Н.М. История Государства Российского. - М., 1991. Т. II - III.
68. Кейслер Ф. Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в начале XIII ст. - СПб., 1900
69. Кейслер Ф. Das livische und lettische Diina-Gebiet und die Fürsten von Polozk, Gericke und Kokenhusen am Ausgang des XII und zu Beginn des XIII Jh. - Riga, 1895.
70. Клімаў М. Полацкае княства у IX - XI стст. // Гісторыя Беларусі: У 6-ці т. Т. I.
71. Клосс Б.М. Повесть о взятии крестоносцами Константинополя в 1204 году // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания / Под ред. Я.Н. Щапова. - СПб., 2003.
72. Клосс Б.М., Корецкий В. И. В.Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники. 1980 г. -М., 1981.
73. Клыш М.Л. К вопросу о Симоновой летописи, бывшей у В.Н. Татищева // Вестник Московского университета. Сер. 8. - 1978. - № 1.
74. Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII в. - Казань, 1891.
75. Корсаков Д.А. А.П. Волинский // Древняя и новая Россия. - 1877. - Т. II, № 6.
76. Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX - XIII вв. - Киев, 1985.
77. Кузьмин А.Г. Об источниковедческой основе «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вопросы истории. - 1963. - № 9.
78. Кузьмин А.Г. Падение Перуна. Становление христианства. - М., 1988.
79. Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. - М., 1965.
80. Кузьмин А.Г. Татищев. - М., 1981.
81. Кучкин В.А. К спорам о В.Н. Татищеве // Проблемы истории общественного движения и историографии. - М., 1971.
82. Линниченко И.А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. - Киев, 1884. Ч. I.
83. Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII в. - Л., 1973.
84. Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время. 1725 - 1740. - Л., 1976.
85. Лыжин Н.П. Два памфлета времен Анны Ивановны // Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. - СПб., 1858. Т. VII. Вып. 1.
86. Любавский М.К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства. - М., 1892.
87. Ляўко В. Раздрабленне Полацкай зямлі // Гісторыя Беларусі: У 6-ці т. Т. I.
88. Майоров А.В. Восточные славяне и народы Причерноморья, Кавказа и Поволжья в раннем средневековье // История России: Россия и Восток / Отв. ред. С.М. Иванов, Ю.В. Кривошеев, Б.Н. Мельниченко. - СПб., 2002.
89. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. - СПб., 2001.
90. Майоров А.В. Социально-политический строй Древней Руси. Община и государство. - Гомель, 2002.
91. Майоров А.В. Тысяцкий и городская община Древней Руси в XI - начале XIII вв. (по материалам Новгорода и других регионов) // Петербургские Чтения-97. Петербург и Россия / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. - СПб., 1997.
92. Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. - 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. - М., 2002.
93. Моисеева Г.Н. Русская историческая проза и польские историки // Польско-русские литературные связи. - М., 1970.
94. Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X - XIII вв. - Рига, 1965.

95. Мугуревич Э.С. Замки и сельские поселения средневековой Ливонии (по археологическим материалам и письменным сведениям Латвии конца XII - середины XVI века). - М., 1982.
96. Назарова Е.Л. Русско-латгальские контакты в XII - XIII вв. в свете генеалогии князей Ерсики и Кокнесе // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992 - 1993 гг. - М., 1995.
97. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. - М., 1951.
98. Николаев С.Л. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. - 1990. - № 4.
99. Николаева А. Т. Некоторые вопросы источниковедения в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1963. Т. XVII.
100. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. - М., 1968.
101. Пашуто В.Т. Страны Прибалтийского региона // Новосельцев А.П. и др. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). - М., 1972.
102. Петрухин В.Я. Древняя Русь: Князья. Народ. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). - М., 2000.
103. Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. 1. - Л., 1961.
104. Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). - М., 2000. Т. III.
105. Попов Н. Татищев и его время. - М., 1861.
106. Пронштейн А.П. В.Н. Татищев и начало научного источниковедения в России // История СССР. - 1986. - № 3.
107. ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 370, 374, 427;
108. ПСРЛ. Т. I. Стб. 204, 208, 227 - 228, 274, 298, 317-318, 457.
109. ПСРЛ. Т. II. Стб. 585-587, 590 - 591.
110. ПСРЛ. Т. II. Стб. 275, 293, 304, 311, 324 - 325, 349, 548 - 549, 691, 733, 748, 763, 821;
111. ПСРЛ. Т. III.
112. ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Стб. 250 - 251.
113. Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. - М., 1989.
114. Рапов О. М. Русская церковь в IX - первой трети XII вв. Принятие христианства. - М., 1988. С. 257 - 276.
115. РЗ. Т. I.
116. Рогов А.И. Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. // Источники и историография славянского средневековья. - М., 1967.
117. Российское законодательство X - XX веков: В 9-ти тт. (далее - РЗ). - М., 1984. Т. 1.
118. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII - XIII вв. - М., 1993.
119. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». - М., 1972.
120. Сагановіч Г. Полацк і нямецкая калонія на Дзвіне // Беларускі гістарычны агляд. - 1998. - Т. 5. Сш. 1 (8), чэрвень.
121. Сазонов С.В. О «Ростовской» летописи, бывшей у В. Н. Татищева // Труды Ростовского музея. - Ростов-на-Дону, 1991.
122. Сапунов А.П. Достоверность отрывка из Полоцких летописей, помещенного в «Истории России» Татищева под 1217 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. - М., 1898. Кн. 3.
123. Сапунов А.П. Река Западная Двина. - Витебск, 1893. - С. 265 - 272, 433 - 436 и далее.
124. Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
125. Седов В.В. Восточные славяне в VI - XIII вв. - М., 1982.
126. Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. - М., 1999.
127. Сергеевич В.И. Древности русского права. - СПб., 1909. Т. 1.
128. Соболевский А. И. Смоленско-полоцкий говор в XIII - XV вв. // Русский филологический вестник. - Варшава. - 1886. - Т. XV, № 1.
129. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 2 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18-ти кн. - М., 1988. Кн. 1.
130. Солодкин Я.Г. Летопись «О разорении русском» в трудах В. Н. Татищева//XVIII век:-Л., 1989.Сб. 16.
131. Стародубец П. А. Княжество Кокнесе в борьбе с немецкими захватчиками в Восточной Прибалтике в начале XIII в. // Средние века. - М., 1955. Т. 7.
132. Таблица соотношения нумераций примечаний в их первоначальной редакции (в немецкой рукописи), а затем в первой и во второй редакциях второй части «Истории Российской» // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. - М., 1996. Т. VII.
133. Татищев В.Н. Записки. Письма. - М., 1990.
134. Творогов О.В. Иоаким // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI - первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. - Л., 1987.
135. Творогов О.В. Повесть о взятии Царьграда фрягами // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1.

136. Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI - XIII вв. // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. - М., 1975.
137. Тихомиров М.Н. О русских источниках «Истории Российской» // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. - М., 1975.
138. Тихомиров М.Н. Василий Никитич Татищев // Историк-марксист. - 1940. - № 6.
139. Тихомиров М.Н. Труды В.Н. Татищева // Очерки истории исторической науки в СССР. - М., 1955. Т. 1.
140. Токарев П. Краткая история латышского народа. - Пг., 1916.
141. Толочко А.П. Конституционный проект Романа Мстиславича 1203 г.: опыт источниковедческого исследования // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995 г. - М., 1997.
142. Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX - начала XIII ст. - СПб., 1992.
143. Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.
144. Фроянов И.Я. Начала русской истории. - М., 2001.
145. Харузин Н. Н. К истории города Герцике в Ливонии. - М., 1895.
146. Хроника магистра Винцентия Кадлубка // Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники: тексты, перевод, комментариев. - М., 1990.
147. Чамярыцкі В.А. Загадка Тацішчавы // Архівы і справаводства. - Мінск, -1999. - № 2.
148. Чамярыцкі В.А. Загадка Тацішчавы // Архівы і справаводства. - Мінск. - 1999. - № 3.
149. Чамярыцкі В.А. Да пытання аб раннім летапісанні Беларусі (XII - XIII стст.) // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. - 1965. - № 3.
150. Шахматов А.А. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В.Н. Татищева // Дела и дни. - Пг., 1920. Кн. I.
151. Штыхаў Г. Письменства, літаратура, фальклор // Гісторыя Беларусі: У 6-ці т. Т. I. Старажытная Беларусь / Рэдкал: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. - Мн., 2000.
152. Штыхаў Г.В. Барысаў у складзе Полацкай зямлі // Здевять стагодзяў Барысава. - Мн., 2002.
153. Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли (IX -XIII вв.). Мн., 1978.
154. Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники.
155. Юхт А.И. Поборник новой России: Василий Никитич Татищев // Историки России. XVII11 - начало XX века. - М., 1996.
156. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X- XV вв. -М., 1970. Т. 1.
157. Янин В.Л. Полоцкий матриархат // Знание - сила. - 1970. - № 12.
158. Янин В.Л. День десятого века//Знание - сила. - 1983. - № 3 .
159. Янин В.Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город / Отв. ред. В.Л. Янин. - М., 1984. - Вып. 7.